

«МНЕ БУДЕТ НЕ ХВАТАТЬ НАШИХ РЕПЕТИЦИЙ»

Двенадцать лет назад главный режиссер Югославского драматического театра Боян Ступица поставил в Театре имени Евг. Вахангова пьесу Марина Држича, называвшуюся по имени главного героя — «Дундо Маройе».

С тех пор завязались прочные творческие связи между двумя театрами: гастрольные поездки, совместные постановки, приглашение на отдельные роли: ваханговцев в Белград и югославских актеров в Москву. Миря Ступица, лучшая исполнительница роли дерзкой и находчивой служанки Петруньелы в спектакле «Дундо Маройе», несколько раз сыграла в спектакле ваханговцев, а белградские зрители познакомились с русской Петруньелой — Юлией Борисовой. Недавно Евгений Симонов поставил в Белграде «Волки и овцы» А. Островского — спектакль, сделанный с коллективом «Югодрамы».

— Элегантный, изящный спектакль, — так отзывается об этой постановке известный югославский режиссер Мирослав Белович. Сегодня он завершил работу с ваханговцами, поставив пьесу Мирослава Крлежи «Господа Глембай».

Это произведение можно назвать современной классикой. Его автор — драматург, поэт и прозаик — широко известен в Югославии и за рубежом. Литературная и общественная деятельность Крлежи началась в двадцатые годы, когда он стал активным участником «левого фронта» югославского искусства, объединявшего деятелей культуры, близких к Компартии Югославии. Крлежа был одним из первых югославских литераторов, посетивших Советский Союз. В 1926 году вышли из печати его путевые заметки, в которых писатель подчеркивал свою солидарность с первой в мире страной социализма.

«Господа Глембай» — одна из

частей драматической трилогии, созданной в конце двадцатых — начале тридцатых годов и проникнутой, как и все творчество писателя, пафосом яростной антибуржуазности.

Династия промышленных и денежных воротил Глембаев стала символом хорватского капитала. Действие пьесы происходит в Загребе незадолго до начала первой мировой войны, когда Хорватия еще входила в состав Австро-Венгрии. Спектакль «Господа Глембай» — новая работа не только для актеров-вахтанговцев, но и для режиссера.

— Мой принцип, — говорит М. Белович, — никогда не обращаться дважды к одной и той же пьесе. Образ спектакля сложился для меня окончательно после просмотра макета декораций И. Сумбаташвили, с которым мы встретились впервые почти за год до начала репетиций и сразу очень подружились. По-моему, оформление точно передает основную мысль спектакля. Покои банкира Игната Глембая поражают величием и пышностью (не забудем, что он — выскочка, жаждущий походить во всем на аристократа), но в то же время кажутся легкими, непрочными. Что касается работы с ваханговцами, то она доставляет мне не только творческое удовлетворение, но и колоссальное удовольствие. Я уже сейчас чувствую, что мне долго будет не хватать атмосферы наших репетиций. А репетировать нам, особенно вначале, приходилось и по пять часов кряду, но я не помню случая, чтобы кто-нибудь посмотрел на часы. Спектакль сделан в непривычно короткий срок — за шесть недель. Ваханговцы увлекли меня своей подвижностью, моментально восприняли предложенный ритм репетиций, мы быстро договорились о жанре спектакля, о трактовке отдельных образов.

В Москве я открыл для себя новый вид работы с актером — телефонные разговоры. Если бы удалось их записать, получились бы интереснейший дневник! — восклицает Белович.

За сорок с лишним лет своей сценической истории «Господа Глембай» представляли перед югославской публикой в самых разнообразных вариантах. В те годы, когда Глембаев или им подобных еще можно было встретить на загребских улицах, шел в Белграде спектакль выдающегося югославского режиссера Бранко Гавеллы. Наш спектакль, как мне кажется, сохраняет сценичность пьесы, замечает Белович, — хотя определенные изменения произошли в тексте драмы, разумеется, с согласия автора. «Глембай» на русской сцене прозвучат во многом неожиданно, и здесь очень велика заслуга ваханговцев, — подчеркивает режиссер.

...Художник Леон, чужак, «белая ворона» в семействе банкира. Исполнение этой роли Юрием Яковлевым в какие-то моменты заставляет вспомнить сыгранного артистом князя Мышкина. Глава фирмы Игнат, каким играет его Г. Абрикосов, чем-то напоминает современного «мафиозо», и это не случайно: одна из сцен первого акта — совещание Глембаев, пытающихся замаять скандал, — на репетициях для краткости называлась «мафия». В. Лановой в роли священника Зильбербрандта подчеркивает его светскость в нарушение сложившейся традиции изображения этого домашнего исповедника неким Тартюфом...

— «Глембай» в театре Вахангова... я уже начал писать о них, — признается на прощание Белович. — Такого рода записками заканчивается для меня работа над каждой серьезной пьесой.

Н. ВАГАПОВА.

«Сов. культура», 1975, 4 сев.